

ИДЕИ И ПРАКТИКИ СОЛИДАРНОСТИ В ДОБРОВОЛЬЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ

КЛИМОВА Светлана Гавриловна – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН (E-mail: sgklimova@mail.ru).

Аннотация. Рассматриваются идеи и практики солидарности в добровольческом движении. Предлагаются критерии различения внутренней и внешней солидарности в зависимости от механизмов формирования сообщества и особенностей его функционирования.

Ключевые слова: солидарность • добровольческое движение • мотивы общественного участия • идентичность • ресурсы

Солидарность в добровольческом движении. Исследования показали, что мотивация добровольческой деятельности сложна и далеко не всегда включает альтруистические мотивы, связанные с осознанием ценности солидарности с сообществом, на благо которого направлены действия добровольца [Халий, 2007: 74; Лебедев, 2008: 214–221]. В некоторых ситуациях в сообществе могут доминировать конкурентные отношения, когда ресурсы, получаемые в результате участия, являются объективно ограниченными (например, при участии в престижных мероприятиях типа Олимпиады). Иногда добровольцы могут вступать в контакты лишь с организаторами деятельности¹.

Заметим, что мотивы солидарности и солидарные практики в сообществе – далеко не всеобщие феномены. Поэтому важно выяснить, как, при каких условиях они становятся ценностью для людей – это, на наш взгляд, представляет предмет особого анализа, который ранее не проводился.

Еще более сложен анализ солидарности добровольцев с людьми, которые становятся предметом их попечения, и теми, кто может помогать либо мешать добровольческому сообществу в его деятельности, и прежде всего чиновниками. Можно ли говорить о солидарности по отношению к этим субъектам? Наверное, для добровольца может быть в некотором смысле “своим”, скажем, сообщество бомжей. Но это какое-то особое отношение “свойства”, например, выражаемое словами “они тоже люди”; “христианская душа”, и пр. Понимание особенностей солидарного сознания и

¹ Опрос проходил в Волгограде, Екатеринбурге, Казани, Москве, Нижнем Новгороде, Новосибирске, Омске, Ростове-на-Дону, Самаре, Санкт-Петербурге. Данные массового опроса, проведенного в апреле 2012 г. среди жителей десяти городов – миллионников в возрасте от 18 до 60 лет (1500 человек) в рамках проекта “Ресурс добровольческого движения авангардных групп для российской модернизации”, который реализовывался Фондом “Общественное мнение” (ФОМ);

Интервью были проведены в Волгограде, Екатеринбурге, Казани, Москве, Нижнем Новгороде, Новосибирске, Ростове-на-Дону, Санкт-Петербурге. Интервью с лидерами общественных организаций (15 интервью), которые проводились в апреле – мае 2012 года;

Фокус-группы были проведены в Екатеринбурге, Казани, Москве, Нижнем Новгороде, Новосибирске, Ростове-на-Дону, Санкт-Петербурге. Материалы фокус-групп, проведенных с активистами добровольческих групп, организаций, ассоциаций в апреле 2012 г. в рамках реализации проекта (7 фокус-групп).

механизмов создания на его основе сообществ поможет формированию идеологии добровольчества.

В нашей стране долгое время слово “солидарность” было одним из самых употребляемых в идеологическом контексте, но в отечественном обществоведении это понятие практически не разработано. Потребность в ее осмыслении появилась тогда, когда в новой России возникли процессы самоорганизации².

Понятие “солидарность” рассматривается в двух аспектах. Во-первых, как феномен сознания, основанный на самоидентификации индивида с некоторой общностью. При этом для индивида эта общность является не просто объектом его идентификационного выбора; он воспринимает ее в качестве реального субъекта социальной жизни, чья судьба и чьи действия тесно связаны с его собственной. Такая связь для человека очевидна, и поэтому индивид делегирует “своей” общности долю ответственности за себя и готов принять долю ответственности за других. Во-вторых, как процесс групповой динамики, характеризующийся появлением сообществ, участники которых осознают собственную субъектность, имеют общие интересы и способны предпринять организованные коллективные действия для их реализации, принимают на себя ответственность за группу или более широкое сообщество и делегируют каждому своему члену долю ответственности за общее дело [Солидаризация..., 1998: 11–12; Климова, 2006: 294–295].

В социальной философии и социологии существует и другая традиция – рассматривать солидарность как мировоззрение и практики, учитывающие и согласовывающие интересы входящих в сообщество индивидов и групп. Такое понимание не обязательно предполагает идентификацию (чувство “мы”) с некоторым сообществом, имеющим более или менее четкие границы в виде национальности или принадлежности к какой-нибудь партии, например, так, как в женском или рабочем движении.

От Дюркгейма идёт другое понимание солидарности – как морального явления. Эта традиция была близка российским социальным философам. В частности, С. Франк писал: “Общественная жизнь есть необходимое и имманентное выражение глубочайшего онтологического всеединства, лежащего в основе человеческого бытия...” [Франк, 1992: 53]. В русле этой традиции актуален поиск ответа на вопрос: как в обществе возможен учет и согласование интересов входящих в него индивидов и групп. Эту линию развивает, в частности, и П. Штомпка. Он пишет, что мораль предполагает нормативность, обязательность определенного отношения к другим людям; такого отношения, которое может считаться оправданным, порядочным, достойным. Только моральная связь между людьми может сделать прочной ткань общества. Моральная связь – это доверие, лояльность (обязательство не нарушать доверие других), солидарность [Штомпка, 2005: 195–196]. Солидарность Штомпка определяет как заботу об интересах других и готовность предпринять какие-то действия для их защиты.

П. Штомпка считает патологическими (угрожающими здоровью социальной ткани) такие представления людей, которые ослабляют моральные связи. Он находит три признака такой патологии: А) культура цинизма. Это антитеза доверию: недоверие, подозрительность, приписывание другим низменных мотивов; Б) культура манипуляций как антитеза лояльности. Это использование доверия других, мошенничество, обман; В) культура безразличия как антитеза солидарности. Это заинтересованность только в своих делах, эгоизм, равнодушие к страданиям других людей [Штомпка, 2005: 197].

Недостаточным основанием для солидарности является идентичность (чувство “мы”). Идентифицировать себя с сообществом и иметь с ним общие интересы не всегда означает быть солидарным с ним. Например, мамы больных детей вполне идентифицируют себя с этим статусом; у них есть общий интерес – чтобы в стране существова-

² Автор участвовал в одном из первых исследований на эту тему в новой России. См. [Солидаризация..., 1998]

ли условия лечения для детей, но в повседневных практиках они часто оказываются в конкурентной ситуации.

Человек может идентифицировать себя со многими сообществами, солидарен же он с теми, за кого чувствует ответственность, которая выступает в роли “каркаса” и критерия солидарности.

Солидарность в добровольческом движении может иметь две формы. Одну – основанную на “первичной связи” (Ч. Кули), идентичности, чувстве “мы” с другими участниками деятельности. Другую, имеющую широкое моральное пространство, основанное на “вторичной” связи – с малознакомыми или вовсе незнакомыми людьми. Это могут быть группы людей, выбранные добровольцем или его общественной организацией в качестве объекта попечения и ответственности; партнеры по деятельности; помощники – институционализированные и нет.

Программные документы международного движения добровольцев выделяют четыре типа волонтерской деятельности, которые определяют более или менее широкое социальное пространство, где действуют добровольцы. 1) *Взаимопомощь (взаимовыручка)*, которая широко распространена как в традиционных, так и в индустриальных странах. Условием её получения или оказания является принадлежность к некоему “мы” по тому или иному основанию (религия, место жительства, национальность, одна и та же проблема, например, алкоголизм); 2) *Филантропия или помощь другим членам общества*. Люди помогают своей коммуне, посещая престарелых, обучая языку беженцев и т.д., что не включает социальную группу, к которой они сами принадлежат; 3) *Участие в кампаниях в защиту социальной справедливости*. Эта активность базируется на желании людей осуществить какие-то социальные изменения: защита окружающей среды, равные возможности для людей с физическими недостатками, международная кампания по запрету использования мин. Здесь объект попечения и ответственности – все жители какой-то местности или страны, либо всё человечество; 4) *Участие в самоуправлении*. Люди участвуют в самоуправлении в качестве членов различных групп, комитетов и государственных консультативных органов. Этот тип деятельности присутствует во всех странах, но особенно развит в тех, где существуют многолетние традиции самоуправления. Это различие введено, по всей вероятности, потому что здесь добровольцы берут на себя функцию, которой нет в предыдущих типах – создание правил жизни для какой-то локальной общности.

Эта типология вряд ли пригодна для систематического анализа, но здесь фиксируется добровольческая деятельность как локальность либо универсальность той общности, которая становится объектом попечения. Кроме того, присутствуют и такие критерии солидарности как выбор и ответственность, но они недостаточно осознаны и сформулированы как проблемы этого движения.

Светская добровольческая деятельность в нашей стране существует вне разработанной и широко разделяемой этики такой деятельности, предполагающей базовый постулат солидарности. Это превращает волонтерскую работу либо в разновидность предпринимательства, либо в политическую деятельность, ориентированную на индивидуальные карьерные интересы. И то, и другое может быть социально одобряемым, но не может называться добровольчеством.

В своём исследовании мы выясняем, есть ли в добровольческом движении идеи и ценности солидарности и какими социальными границами очерчиваются те общности, на которые они распространяются.

Солидаристские установки россиян. Сейчас в России несколько ослабел напор идеологических обоснований “культуры безразличия” и “культуры цинизма” (П. Штомпка), бывший особенно сильным тогда, когда новым элитам нужно было объяснить массовую нищету особыми “совковыми” качествами населения. Но мы по-прежнему имеем морально-идеологические последствия в виде низкого уровня доверия в обществе и слабой социальной интеграции. Исследование доверия в российском обществе зафиксировало его крайне низкий уровень. На вопрос: “Как Вы считаете, большинству людей можно доверять, или в отношениях с людьми следует

быть осторожными?”, ответили “доверять” пятая часть респондентов (22%), “следует быть осторожными” – 75%³.

В нашем исследовании добровольчества общее распределение оказалось примерно таким же, несмотря на то, что отбирались только жители больших городов, за исключением самых пожилых, среди которых уровень доверия обычно ниже: 25% и 71% соответственно.

По первому критерию морального здоровья, обозначенному Штомпкой, респонденты, так или иначе причастные к добровольческому движению, выглядят несколько лучше остальных россиян. Убеждены в том, что большинству людей можно доверять, 32% тех, у кого есть знакомые среди активистов движения (по сравнению с 19% тех, у кого таких знакомых нет); 32% тех, кто сейчас участвует в деятельности какой-либо общественной организации или инициативной группы (по сравнению с 24% тех, кто не участвует); 30% тех, кто допускает для себя в будущем возможность работы в общественных организациях (по сравнению с 20% в группе тех, кто исключает такую возможность).

Второй критерий отсутствовал в массовом опросе из-за трудностей его эмпирической верификации, а третий выглядел у нас как поведенческая готовность объединяться для совместных действий. И здесь люди, в той или иной мере причастные к добровольческой деятельности, выглядят в большей мере готовыми к солидарным действиям, чем все респонденты. По нашим данным, готовы объединяться для совместных действий, если их идеи и интересы совпадают, 53% горожан; 85% тех, кто участвует в деятельности какой-либо общественной организации; 71% тех, у кого есть знакомые среди активистов; 80% тех, кто допускает в будущем для себя возможность участвовать в добровольческой деятельности.

Люди, включенные в добровольческую среду и деятельность, чаще выражают готовность к солидарным действиям в будущем тогда, когда ситуация потребует их участия. Так, например, в гипотетической ситуации чрезвычайного происшествия (пожар, наводнение, землетрясение) среди тех, кто в момент опроса участвовал в деятельности какой-либо общественной организации (“активисты”), оказалось 58% тех, кто готов принять участие в сборе средств для пострадавших (по сравнению с 37% всех опрошенных горожан). Следующий вопрос касался гипотетического участия респондентов не в экстремальном, а во вполне обыденном деле – очистить от мусора соседнюю лесопарковую зону. И здесь среди “активистов” оказалось заметно больше тех, кто готов принять участие в такой работе, чем среди горожан в среднем (61% и 51% соответственно).

Политическая деятельность также вполне приемлема для “активистов”. В гипотетической ситуации массовых фальсификаций на выборах готовы принять участие в акциях протеста или даже организовать их 28% “активистов” (по сравнению с 12% горожан). Тот факт, что солидаристские установки чаще демонстрируют социально активные граждане, не удивителен. Но возникает вопрос: насколько распространены такие установки среди участников добровольческой деятельности и какое место они занимают в ряду других мотивов этой деятельности? Для ответа на этот вопрос применялся факторный анализ, который позволяет извлечь наиболее важную информацию о связях между признаками (в данном случае – между мотивами добровольческого участия).

Факторный анализ ответов респондентов, участвующих в деятельности общественной организации или инициативной группы (6% от числа опрошенных), на вопрос: “Что даёт Вам участие в деятельности этой инициативной группы (общественной организации?)” позволил выявить четыре фактора, в совокупности объяснившие 51,8% дисперсии. Первый фактор – карьера (23,6%); второй – расширение социальных контактов (12,2%); третий – самопомощь (9,3%); четвертый – альтруизм (6,8%) (табл. 1).

³ Исследование по теме: “Проблемы доверия и недоверия в современном обществе” проведено Фондом “Общественное мнение” совместно НИУ – “Высшая школа экономики” в конце 2011 – начале 2012 г. Рук. – Л.И. Якобсон и И.В. Мерсиянова.

Связь между факторами и исходными переменными, характеризующими мотивацию добровольческой деятельности

	Коэффициенты связи с факторами			
	карьера	расширение социальных контактов	самопомощь	альtruизм
Опыт работы	,724	,014	-,129	,134
Перспективы профессиональной карьеры	,662	-,117	,268	-,084
Интересная работа	,653	,289	-,120	-,068
Полезные знакомства	,619	,204	-,002	-,069
Доступ к нужной информации	,618	-,142	,241	,004
Опыт общественно-политической деятельности	,588	-,029	,353	,254
Новые знания, квалификация	,583	,145	-,064	-,096
Связи с влиятельными людьми	,499	,300	,268	,191
Уважение окружающих	,385	,288	,167	,340
Друзья	-,028	,801	,067	,123
Любимое дело, хобби	,138	,696	,033	-,195
Общение с интересными людьми	,108	,646	-,210	,095
Защита своих прав	-,011	-,270	,771	-,123
Продвижение своих идей	,170	,302	,591	,202
Возможность улучшить жизнь в своём городе	,035	,091	-,186	,749
Возможность помогать людям	-,106	-,088	,207	,719

Таблица 2

Распространенность мотивирующих факторов добровольческой деятельности в гендерных и возрастных группах
(% от числа опрошенных в группе)

Мотивирующие факторы	Все волонтеры	Пол		Возраст, лет		
		мужчины	женщины	18–30	31–45	46 и старше
<i>Доли групп</i>	100	44	56	35	32	32
Карьера	59	63	56	79	<u>53</u>	<u>43</u>
Расширение социальных контактов	69	73	65	85	70	<u>50</u>
Самопомощь	38	34	40	<u>30</u>	40	43
Альtruизм	46	<u>32</u>	58	<u>39</u>	43	57

Таким образом, альtruизм хотя и присутствует в структуре мотивации добровольческой деятельности, занимает в ней весьма скромное место. Стоит отметить, что в четвертом факторе присутствуют, хотя и с меньшими нагрузками, признаки, характеризующие ценность принятия другими людьми (уважение окружающих). Нельзя сказать, что категорически отвергаются и карьерные мотивы. Опыт работы и опыт общественно-политической деятельности присутствует с положительными, хотя и слабыми нагрузками.

Если для каждого фактора вычислить долю респондентов, кто отметил хотя бы одну из входящих в него переменных, то можно приблизительно оценить распространенность мотивирующих факторов (табл. 2). Данные свидетельствуют, что альtruистические мотивы чаще распространены среди женщин, чем среди мужчин, и в старших возрастных группах.

Все респонденты, а не только участники добровольческой деятельности, отвечали на открытый вопрос: *“Какую именно пользу, по Вашему мнению, приносит активистам*

их деятельность?”. Здесь альтруистические мотивы солидарности, приписываемые добровольцам, весьма заметны. Самым популярным ответом на этот вопрос стало “моральное, душевное удовлетворение” (“моральное удовлетворение и чистую совесть”; “душевное равновесие”; “легкость на душе”) – 23%. На втором месте – мнение о том, что они делают доброе дело, помогают людям (7%). На третьем месте – мотивы самовоспитания, самореализации (“развивается терпение, сопереживание”) – 5%. О возможности общения упомянули 4% (“одиночество скрашивают, общение с людьми”). Другие мотивы (повышение самооценки, личная материальная выгода, авторитет и пр.) называются волонтерами намного реже (по 3% и менее). Это значит, что общественное мнение считает наиболее важным именно солидаристский, альтруистический эффект добровольческой деятельности.

Есть некоторые основания для того, чтобы говорить о формировании в добровольческой среде культуры солидарности, понимаемой как моральная связь с широким кругом людей, не обязательно выделенным в социальном пространстве по критерию “мы-они”.

Другой аспект солидарности, рассмотренный в исследовании – это, собственно, солидарность с другими добровольцами (чувство “мы”). Данные опроса показали, что большинство активистов, включенных сейчас в общественную работу, уверены, что их товарищи помогут им в случае, если такая помощь понадобится (88%).

Несмотря на фрагментарность, эти данные показывают: ценность солидарности присутствует в представлениях россиян, включенных в добровольческую деятельность. В каких повседневных практиках реализуется эта ценность, дают информацию данные качественных исследований – материалы интервью с лидерами общественных организаций и фокус-групп.

Солидарные практики в добровольческой деятельности. В описании солидарных практик в добровольческом движении мы встретили несколько типов. Скорее всего, их может быть больше, но описание тех, что удалось выявить, поможет дальнейшему анализу темы.

Первый вид солидарности из тех, что мы обозначили, – это солидарность в группе добровольцев (назовём её внутренней солидарностью). Здесь встречается несколько типов.

Самый очевидный и широко распространенный тип внутренней солидарности – это *солидарность в группах самопомощи*, где получатели помощи являются одновременно её потребителями. Этот тип сложился в рамках практик групповой психотерапии; обоснован психологической наукой; имеет в некоторых случаях (например, в группах анонимных алкоголиков) хорошо разработанную технологию взаимной поддержки, которая существует в таких группах и вне сеансов. Вот что говорит, например, лидер фонда помощи алкоголикам из Новосибирска. *“Люди с такими проблемами в этом искусственно созданном социуме начинают уважать друг друга, переживать друг за друга, друг другу помогать. И такая атмосфера действует. Они с этими доверительными чувствами, с этим опытом учатся жить в трезвом состоянии...”*. Лидер фонда помощи ВИЧ-инфицированным из Казани подчеркивает, что помощь людей с теми же проблемами особенно важна на первых порах. *“Когда я узнала о ВИЧ-инфекции, то я подумала, что это крах моей жизни. Но благодаря врачам в Чебоксарах, которые меня направили на форум, где встречаются люди, живущие с ВИЧ-инфекцией, я поняла, что с этим можно жить. У нас есть волонтеры, которых мы обучали и которые дальше несут огонь в своей душе. Женщины, живущие с ВИЧ-инфекцией, хотя бы наставниками для других, которые только узнают о своей ВИЧ-инфекции”*.

Интеграция в группах добровольцев – это другой феномен, который можно отнести ко второму типу внутренней солидарности. Он довольно часто встречается и становится серьезным самостоятельным мотивом участия. Например, респондент из Екатеринбурга говорит: *“И ты начинаешь сближаться и дружить потом. Ну, какой-то круг даже образуется. Они особенные – эти люди. Мне очень приятно быть среди них – особая атмосфера какая-то. Это сердечно просто чувствуется. И ты можешь*

позвонить и сказать: у меня переезд, и ты точно знаешь, что тебе помогут и привезут эти вещи, куда тебе надо. Ты так же можешь помочь им, ты тоже это понимаешь и делаешь это с удовольствием. Это особая каста людей, я даже не побоюсь этого слова”.

Созданию атмосферы солидарности уделяется особое внимание в тех организациях, где много добровольцев и где солидарность является условием успеха. Лидер благотворительного фонда из Екатеринбурга рассказывает: *“Мы проводим регулярные встречи. Вот сегодня у нас чаепитие. Будут тридцать волонтеров, будет дружеская беседа, а кто между собой не знаком – познакомим. Очень приятно, когда людей между собой свёл, и кому-то вдруг фотограф понадобился, кому-то помощь, там не знаю, в банке кредит, а этот человек в банке, оказывается, работает. Такие мероприятия мы проводим, чтобы ребята между собой общались, встречались”.*

Для сплочения волонтеров в больших организациях создаются специальные службы. Например, в крупнейшем благотворительном фонде Москвы интервью давал руководитель волонтерской службы, который стал штатным сотрудником фонда после нескольких лет такой деятельности. Он рассказывает: *“Раз в год у нас общая встреча проходит, праздник для волонтеров разных групп. Разные фирмы, например, Мери Кей, косметику свою дает. Фотостудии давали сертификаты на фотосессию. Наборы посуды выдавала компания, с которой мы работаем. Есть очень дружные волонтерские группы, которые вместе и свадьбы делают, и отдыхают вместе”.*

Но универсальным правилом, как показывают данные интервью и фокус-групп, такой тип солидарности не является. Часто респонденты ничего не могли сказать о том, как организовано общение среди волонтеров их организации и признавались, что мало знакомы с другими добровольными помощниками.

Второй вид солидарности – это внешняя солидарность, помощь и поддержка со стороны субъектов, находящихся вне данной организации или инициативной группы. Первый тип внешней солидарности – *сетевая поддержка*. Материалы интервью показывают, что сетевая солидарность – довольно часто встречающийся феномен в добровольческом движении. Сетевая поддержка – это помощь нуждающимся в тех случаях, когда оказываются недостаточными ресурсы “материнской структуры” по причине географической удалённости или потребности в специализированной (юридической, медицинской) помощи. Сетевая поддержка – это неформальная и несистематическая помощь людей, не включенных в данную организацию в качестве сотрудников или добровольцев. О практиках такой поддержки рассказывал, например, один из лидеров благотворительного фонда в Москве, когда упоминал, что у них нет проблем с тем, чтобы попросить о помощи знакомых или знакомых знакомых – в своем городе или в каком-то другом. При этом люди, оказывающие такую поддержку, если у них спросить, являются ли они добровольцами или благотворителями, скажут “нет, не являюсь” довольно уверенно, потому что их участие – это элемент морального долга. Скорее всего, даже если такая помощь систематическая, они откажутся институционализировать своё участие (например, получить волонтерскую книжку), потому что окажется, что этот, пусть символический, акт уничтожает моральное действие и придаёт ему какой-то другой статус (например, карьерный). Судя по некоторым данным, сетевая поддержка – обычное дело для повседневной жизни наших общественных организаций. Лидеры, рассказывавшие об этом, не подчеркивали исключительности фактов такой помощи. Вот, например, что рассказывает лидер благотворительного фонда из Новосибирска, оказывающего помощь бывшим алкоголикам. *«Ребята, которые ушли [перестали быть пациентами Фонда], когда есть желание помочь, просто звонят: “Ребята, есть машина. Могу помочь”. Приходят возить: на флюорографию, на кровь, потом обратно. И это же тоже огромные нагрузки. Кто на машине приедет, кто-то приедет, возьмет ребят, и они поедут на речку пообщаются, шашлыки пожарят. Это же тоже своего рода волонтерская ответственность. Ответственность за этих людей, чтобы они не разбежались, не напились, не накурились».* Этот пример рассказывает об участии в судьбе попавших в беду таких добровольных помощников,

у которых были те же проблемы в прошлом. Распространена также практика помощи “посторонних”, не включенных в проблему людей. Лидер благотворительного фонда из Казани рассказывает: *“У нас есть отдельные люди, частные, которые знают ВИЧ-позитивных детей, знают судьбу, их истории. Они отдельно помогают, кто как может. Когда детские праздники, когда нужны лыжи, фотоаппараты, телефон – такие детские мечты мы стараемся реализовать благодаря добрым людям”.*

О практиках межорганизационной кооперации, которые можно считать феноменами солидарности, рассказывали наши информанты. Это совместное решение проблем какими-то общественными и (или) государственными субъектами, имеющими организационную оформленность.

Стоит отметить не столько организационно-технологический, сколько морально-нравственный аспект такой межорганизационной солидарности. В интервью ни разу не упоминалось о том, что организации (коммерческие, государственные, общественные) обуславливают свое участие какими-то критериями выгоды. Представители организаций принимают участие в судьбе нуждающихся из чувства морального долга. В интервью лидеров встречаются рассказы о сотрудничестве с самыми разными субъектами: церковными приходами, государственными учреждениями, другими общественными организациями. Вот выдержки из интервью фонда помощи алкоголикам из Новосибирска. *«Можно людей направлять в приход. Это понятная для людей атмосфера, где они общаются, занимаются, знакомятся. На работу устраиваем к приходу поближе, чтобы люди были как-то защищены. Помогает нам областной центр социальной помощи. Поликлиники помогают с флюорографией, делаем анализы крови. Помогает нам центр срочной социальной помощи с восстановлением документов, с регистрацией. Мы занимаемся людьми, которые находятся на очереди на инвалидность, то есть они просто не ходячие, а лежащие. Мы их возим, а где-то помогаю нам в кабинет по-быстрому проехать, анализы сдать. С юристами мы в хороших отношениях. “Сибмама”, с которой мы сотрудничаем, договор заключили, работают с мамочками, которые хотят отказаться от детей, у которых сложные жизненные ситуации. Они нам помогают, мы им помогаем. “Линия жизни”: мы помогаем, они нам помогают. В основном НКО между собой вот такие вот. Общаемся, в футбол играем».*

Иногда межорганизационная солидарность принимает формы сетевых структур, и одна и та же организация может входить в несколько сетей и, соответственно, пользоваться их ресурсами. Это зависит, с одной стороны, от степени развитости того или иного направления добровольческой деятельности, а с другой – от активности и организаторских способностей лидеров. Благотворительный фонд помощи больным СПИДом из Казани – пример такой активности. *«Наш фонд входит в координационный совет по поддержке семьи и детей при помощи Общественной палаты Республики Татарстан. Мы входим в консорциум женщин России и “Женщин Татарстана”».*

Для решения многочисленных проблем людей, объединившихся в ту или иную общественную организацию или инициативную группу, зачастую нужны экспертные знания и солидарные мнения экспертных сообществ (например, заключения о социальном статусе больных СПИДом). Общественникам удаётся сотрудничать с ними, и помощь, как правило, оказывается бесплатно в тех случаях, когда речь идет о благотворительных фондах, о помощи слабым. Наиболее яркое высказывание на эту тему – тоже из интервью лидера благотворительного фонда из Казани, помогающего больным СПИДом. *“Огромный плюс, что [специалист] из федерального центра СПИД, написал документ для суда, где было написано, что ВИЧ-инфекция – это хроническое контролируемое заболевание и если пить препараты, то можно жить полноценной жизнью, ты не опасен для общества. Вот благодаря этой справке я и выиграла судебный процесс. Последний проект у нас – это адвокатский проект с Евросоюзом. Этот проект направлен на то, чтобы проводить тренинги среди медспециалистов, врачей, развивать направление среди людей, живущих с ВИЧ, по защите своих прав”.*

Не жалуются опрошенные нами общественники на дефицит внимания со стороны СМИ. Здесь можно усомниться в том, что освещение акций организации или защита её

позиций по какому-то вопросу со стороны СМИ – это чистый акт солидарной поддержки, а не распространение “хорошо продаваемой новости”. Актом солидарности можно считать поддержку СМИ в тех случаях, когда защищаемая позиция не очевидно выигрышная с точки зрения интереса публики или одобрения властей.

У межорганизационной солидарности есть серьезные проблемы, о которых часто упоминалось в интервью. Многообразие таких проблем можно свести к двум. Во-первых, препятствием для сотрудничества и общего успеха становится корысть потенциальных партнеров. Например, использование властных ресурсов чиновниками, препятствующими добровольческой деятельности, потому что она противоречит их частным материальным интересам. Во-вторых – имитационная деятельность партнеров, лишенная моральных компонентов ответственности. Нередки случаи, когда имитация помощи превращается в издевательство над слабыми – будь то ненужные для ветеранов вещи в подарок (неликвиды, которые по случаю продали коммерсанты знакомому чиновнику за казенные деньги) или пандусы для инвалидов, которыми невозможно пользоваться.

Наше исследование подтвердило правильность выбора критериев для признания практики солидарной. Солидарность как моральное явление основано на ответственной взаимозависимости. Свободный выбор той или иной общности и ответственность выступают в роли “каркаса” и критерия солидарности. Ответственность предполагает субъектность, т.е. осознание значения, веса сообщества в процессах, затрагивающих его интересы.

В настоящее время идет восстановление, реставрация солидарного сознания и практик эмпирическим путем, потому что широко пропагандируемой идеологии этих связей нет, если не считать довольно искусственных практик совместного проведения досуга, которые, впрочем, тоже дают свои плоды.

2. Выделенные нами два вида солидарности – внутренняя и внешняя – имеют свои особенности, механизмы формирования и различия.

- *По критерию ресурсов.* Внутренняя солидарность основана на сложении ресурсов участников, которые дают не механическое их приращение, а новое качество: превращение группы людей в субъекта социального действия. О солидарности может свидетельствовать такой признак как готовность приумножать ресурсы сообщества.

Внешняя солидарность основана на готовности делиться собственными ресурсами ради блага сообщества. Здесь ресурсное приращение идет на каком-то более высоком, чем конкретная организация, уровне, понимаемом как общее благо.

- *По критерию автономии – зависимости:* Внутренняя солидарность всегда основана на отношениях ответственной зависимости, когда проблема одного из членов сообщества становится и проблемой остальных. Тем самым отношения выглядят довольно тесными. В некоторых случаях (например, когда речь идет о терапевтических группах) иногда даже говорят об излишне сильной зависимости от группы, препятствующей личностной автономии.

Отношения внешней солидарности не формируют таких тесных связей. Они возникают и укрепляются не столько как психологические, личностные, сколько как моральные, часто завязанные не на людей, а на определенные нормы, правила жизни, на Бога.

- *По критерию основы существования сообщества.* Внутренняя солидарность основана на сходстве образа жизни, общей судьбе, общей проблеме, общих интересах и групповой идентичности (чувстве “мы”).

Внешняя солидарность может не иметь такой основы: журналист или юрист вовсе не должен быть алкоголиком, чтобы помогать больным. Но ценности моральной связи, о которых мы говорили выше, здесь непременно присутствуют. Уважение ценности чужой жизни, доверие и сочувствие здесь являются основами солидарного действия.

В движении существует разделяемое всеми участниками представление о границах солидарных сообществ, деятельность в которых можно назвать добровольческой. Можно ли считать добровольчеством взаимопомощь в локальных общинах, помогаю-

щих только своим (группы самопомощи), и деятельность для диффузных, не определяемых общностей, превращающую добровольческое движение в предмет высокой политики? Это проблемы, требующие исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Климова С.Г.* Солидарность / Социология труда. Теоретико-прикладной толковый словарь. СПб.: Наука. 2006.
- Лебедев П.А.* Вместе веселее или один в поле не воин (портреты молодых активистов) / В кн. Гражданское общество в современной России. М.: ФОМ. 2008.
- Солидаризация в рабочей среде // Под ред. В.А. Ядова. М.: ИС РАН. 1998.
- Франк С.* "Духовные основы общества". М.: Республика. 1992.
- Халий И.А.* Современные общественные движения. М.: ИС РАН. 2007.
- Штомпка П.* Социология. М.: Логос. 2005.

Журнальный гид

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА СОЦИОЛОГИИ* (2012)

- № 5** *Аксёнова О.В.* К проблемам методологии исследования российского профессионала как субъекта социального действия; *Яницкий О.Н.* Профессионал как социальный актор: случай или правило?; *Халий И.А.* Экологическое движение в Советском Союзе: самоорганизация экологов-профессионалов; *Кульпин-Губайдулин Э.С.* Сфера технологии как пространство социального действия; *Гаврилов Ю.А., Шевченко А.Г.* Коран в России: переводы и переводчики; *Волков Ю.Г.* Возникновение и современное состояние российского креативного класса; *Аксёнова О.В.* Особенности активизма российских профессионалов: социальные практики; *Подъячев К.В.* Протестное движение в России "нулевых": генезис и специфика; *Кудрявцева Ю.В.* Государственно-частное партнёрство при формировании государственной политики в области туризма: российский и зарубежный опыт; *Попова Е.С.* "Новые концепты" социологии образования: возникновение и проблемы операционализации; *Макушева М.О.* Предметное поле социологии языка; *Петухов В.В.* Гражданское общество и власть: сотрудничество или противостояние?; *Ахиезер А.С.* Проблема реформы и проблема архаизации.

СОЦИОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, МЕТОДЫ, МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ (4М) (2012)

- № 35** *Хавенсон Т.Е., Тюменева Ю.А.* Переход от корреляционного к квазиэкспериментальному плану в исследованиях школьного образования: опыт применения регрессий с фиксированными эффектами; *Иванюшина В.А., Александров Д.А.* Межэтническое общение в российских школах: изучение методом сетевого диадного анализа; *Балашова Г.К.* Опыт применения методики изучения субъективного благополучия в социологическом исследовании; *Абрамов Р.Н.* Методологические и содержательные аспекты социальных исследований блогов: аналитический обзор; *Гаврилов К.А., Толмач А.Д.* Обыденное приписывание ответственности в ситуации теракта: опыт выделения категорий виновных акторов для контент-анализа; *Орлов А.И.* Теория измерений как часть методов анализа данных: размышления над переводом статьи П.Ф. Веллемана и Л. Уилкинсона; *Осгуд Ч.* Метод семантического дифференциала в сравнительном исследовании культур (часть II).

* Электронный журнал. Адрес web-сайта: <http://www.vestnik.isras.ru>